

А.И. БОГОМОЛОВ

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И МОТИВАЦИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ
РАБОЧИХ-МОНАРХИСТОВ НАЧАЛА XX В.:
ПО МАТЕРИАЛАМ УРАЛА**

Правые партии России начала XX в. («Союз русского народа», «Русский народный союз Михаила Архангела» и др.) стали объектом научного изучения лишь на рубеже XX–XXI вв. [16, 21, 26]. В советской историографии они оценивались как «классовые организации крепостников-помещиков» [18]. По социальному составу, однако, правые партии были всесловными, входили в них и рабочие. Марксисты об этом знали [17, с. 141, 354]. Меньшевик В. Левицкий считал опорой правых рабочих союзов выходцев из деревни или уездного города, «не доросших» до классового самосознания [17, с. 454–455].

Рабочие-монархисты рассматривались марксистами как штрейкбрехеры, несознательные элементы своего класса [1, с. 154; 24, с. 211–213, 287]. Последняя точка зрения доминирует и в современных публикациях: по мере повышения «сознательности», «убеждаясь в антирабочем характере монархических союзов», рабочие выходили из них [23, с. 28; 25, с. 371; 16]. Мотивы «потери» и «приобретения» сознательности значительной частью рабочего класса в краткие промежутки времени до сих пор не нашли исчерпывающих объяснений. Приток рабочих в правые союзы в 1905–1908 гг. и массовый их исход в 1912–1917 гг. нельзя объяснить, не попытавшись проанализировать мотивы политического поведения рабочих. (Предполагается трактовать как политическое любое поведение индивида — вербальное или невербальное, которое характеризует его в качестве члена определенной политической общности [8].)

Рабочие начала XX в. не соответствовали идеальным представлениям о «рабочем классе», проявляя подчас противоположные политические настроения¹. В качестве примера можно привести рабочего,

Богомоллов Алексей Иванович — старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук ГОУ ВПО Северо-Западный государственный заочный технический университет. **Адрес:** 197110 Санкт-Петербург, Миллионная ул., д. 6, к. 507, кафедра социально-гуманитарных наук. **Телефон:** (812) 275-51-41. **Электронная почта:** johannes@yandex.ru

¹ Переменчивость политических настроений крестьян и рабочих констатировали в 1915 г. члены элитного монархического кружка: «Голпа часто меняет свои политические устремления, с тем же увлечением поет

затем мастера Златоустовского завода А.Е. Аникеева. В 1890-е гг. он принимал участие в революционном движении [8]. В 1907 г. Аникеев возглавил городской отдел «Союза русского народа» — правой монархической партии, образованной в 1905 году и имевшей задачу восстановить самодержавие, отменить манифест 17 октября, упразднить Государственную думу. Можно говорить о целом ряде случаев перехода рабочих от крайне правых к левым и в противоположном направлении. В советское время было принято объяснять эти переходы несознательностью части рабочих и «полицейской провокацией» [15], — объяснение далеко не полное, хотя, вероятно, тогда единственно возможное. Чем еще можно объяснить смену рабочими политической принадлежности?

При ответе на этот вопрос следует иметь в виду своеобразное представление рабочих о политике. «Политические» представления рабочих, на их взгляд, не имели ничего общего со словом «политика», получившим в их словаре одиозный оттенок. Это предстоит учитывать при анализе источников, в которых запечатлены поступки и слова рабочих. Мысли рабочих, сформулированные языком чиновника, журналиста или профессионального революционера, преломлялись через представления последних о том, кто есть рабочий, какие он должен иметь потребности и ценности.

Это несоответствие осознавалось и учитывалось как представителями власти, так и партиями². Представители политических партий, выходя «в народ», вынуждены были подстраиваться под представления обычных рабочих. Упорство участников трехмесячной «экономической» стачки лета 1905 г. на Сысертских заводах Пермской губернии, к примеру, объяснялось тем, что ее организатор, студент И.Е. Девяшин, «для завоевания авторитета среди в большинстве своем религиозных и верящих царю сысертских рабочих выдавал себя за “царского посланца”, в беседах с рабочими призывал на помощь “бога” и “великого

“Боже, царя храни”, как и орет “Долой самодержавие”». Консервативные настроения масс не означали их лояльности: «1905 и 1906 годы уже показали, что яростный защитник своей собственности и консерватор в своем быту, русский мужик делается самым убежденным социал-демократом, когда дело коснется чужого добра» [13].

² Ср. наблюдение социал-демократа, касающееся настроений рабочих в октябре 1905 г.: «Я чувствовал в эти дни, что, может быть, мы в состоянии сообщить рабочей толпе обрывки недостающих ей знаний, но не в силах вести ее, управлять ее движениями. ...Настроение рабочей массы развивалось в эти дни по каким-то своим внутренним законам, независимо от партийных лозунгов, независимо от речей, которые раздавались с ораторской трибуны. ...Настроения рабочих передавались ораторам и заставляли их порой говорить не то, что они готовились провозгласить, отправляясь на митинг, и не то, что требовала их партия» [цит. по: 19].

государя”» [10]. Непонятной им «политики» рабочие сторонились. Так, в 1906 г. недовольство рабочих «политическими» забастовками отмечал журналист П. Тимофеев. Его собеседник, отвечая на вопрос о причинах появления крайне правых на заводах, говорил: «Здесь всему причиной — забастовки. Не будь их — ничего бы подобного не было. Сами посудите — сегодня бастуем, завтра бастуем. Да когда же работать будем? Ведь это так совсем с голоду можно подохнуть... Да еще был бы какой-нибудь смысл, если бы за расценки или за мастера какого бастовали, а то так, за здорово живешь» [28]. Обучение грамоте, изучение «экономической» литературы, требования вежливого обращения от мастеров и администрации, отмены необоснованных штрафов и т. п. были для них более понятны. Эти «обыденные» потребности потенциальных членов политических партий определили направление деятельности в рабочей среде.

С этой точки зрения становится ясным, почему «Союз русского народа», имевший все признаки политической партии (программу, устав, руководящие органы, сеть местных организаций и т. п.) публично отрицал свой политический и партийный характер, выдавая себя за общенародное объединение, и в широком смысле слова отождествлял себя со всей нацией [30]. Членство в «Союзе» считалось нормой поведения подданного, а не результатом выбора. Членство в любой другой организации приравнивалось к «политическому» и, следовательно, «крамольному» поведению. Левые партии практиковали «просвещение» несознательных, обучение «политической сознательности». Монархисты, напротив, предполагали, используя политический потенциал обыденной деятельности рабочих (лояльность власти, неучастие в стачках, поддержка религиозных ритуалов), отвлекать их от участия в «политике».

Механизм идентификации, посредством которого рабочий определялся как монархист, представляется двойственным. С одной стороны, идентичность рабочего-монархиста «приписывалась» ему «сверху», со стороны представителей власти, какой-либо политической партии. С другой стороны, «снизу» отдельный рабочий выбирал и/или принимал «роль» монархиста и действовал как монархист, руководствуясь при этом своими соображениями³.

Политическая идентичность предстает категорией переменной, «подвижной». Американский исследователь Д. Филд объясняет подобную «гибкость» социально-политических категорий несовпадением разных уровней «представлений» (presentations): 1) понятие субъекта

³ Конечно, идентификация и самоидентификация — не одно и то же, и рабочий, которого окружающие идентифицируют как монархиста, сам себя таковым может не считать. Важно, однако, считает ли он нужным протестовать против такой идентификации или молчаливо соглашаться с нею.

о себе, о месте своем и себе подобных в обществе; 2) понятия других о субъекте и ему подобных, в том числе формальные, юридические (сословие), аналитические (класс) и понятия обычные, обывательские; наконец, 3) роль, которую исполняет субъект в известных условиях с известной целью, — «представление» в смысле «зрелища». Когда все эти виды «представления» совпадают друг с другом, статус субъекта оказывается недвусмысленным; когда совпадение частично или вовсе отсутствует, задача социальной классификации осложняется. В дореволюционной России уровень совпадения был относительно низким. Из-за этого некоторые историки отказываются от всякой социальной категоризации [29, с. 69]. В повседневных отношениях главное значение имело «представление» в третьем смысле, то есть исполнение роли перед другими [29, с. 77]. Рабочие реагировали на ожидания значимых групп — как неформального сообщества, так и властей.

Оказавшись на арене борьбы нескольких политических сторон, стремившихся выступать от лица «рабочего класса», рабочие (как индивиды, так и сообщества), получили возможность маневрировать между ними, преследуя при этом свои интересы. «Революционность» или «монархизм» зачастую приписывались рабочим извне. Идентификация «сверху» подкреплялась поощрением за должное поведение и образ мыслей. Принимая поощрения и стремясь избежать наказания, рабочие «включались в игру», становясь монархистами. Попробуем выяснить, что могло служить подобным подкреплением.

Надежды на прибавку жалованья — не единственный стимул для участия в монархическом рабочем движении. Такому объяснению противоречат, например, действия рабочих Уфимских железнодорожных мастерских. Во время октябрьской стачки 1905 г. к начальнику мастерских В.Д. Лопатто, человеку либеральных взглядов, «пришла депутация просить разрешения начать работу, он им отказал и предложил “покраснеть”, то есть присоединиться к забастовке» [6]. Рабочие-монархисты заперли начальника в станционном подвале и обратились к губернатору [там же]. Уфимский губернатор Б.П. Цехановецкий их не поддержал и в ноябре 1905 г. был смещен усилиями крайне правых⁴. Для того чтобы добиться прибавки к жалованью и благоволения администрации, можно было использовать и более легкие способы. Представление о выигрышном поведении было, таким образом, более сложным и выходило за пределы обычного представления о материальной выгоде.

По мнению французского социолога П. Бурдьё, «в обстановке, когда формируется общественное мнение, особенно в обстановке кризиса, люди оказываются перед сформировавшимися мнениями,

⁴ См. газету «Московские ведомости» за 21 и 22 ноября 2005 г. и анонимную брошюру «Государственная измена» (1906).

перед мнениями, поддерживаемыми отдельными группами, и таким образом выбирать между мнениями со всей очевидностью означает «выбирать между группами» [4]. «Сознательность» или «верноподданность» рабочего зачастую были следствием подчинения преобладающей группе. Индивидуальные настроения в большинстве случаев не могли определять поведение индивида, когда они расходились с мнением коллектива. Бурдые приходят к схожим выводам, анализируя недостатки анкетного опроса общественного мнения. Обстановка опроса несопоставима с реальностью, в которой индивид неотделим от коллектива и не столько принимает собственное решение, сколько присоединяется к мнению той или иной группы. «В реальной обстановке мнения становятся силами, а соотношение мнений — силовыми конфликтами между группами» [там же]. Оказавшийся в одиночестве монархист рисковал жизнью или репутацией, высказывая свои убеждения открыто.

Одним из механизмов изменения идентичности рабочего-монархиста был, таким образом, конформизм, присоединение к влиятельной группе, составлявшей большинство коллектива. Выбирая в начале века идентичность монархиста, рабочий «знал», что входит в ряды сплоченной корпорации русских людей, идеалы которой должны разделяться всеми подданными империи. В составе корпорации рабочий-монархист мог не бояться каких-либо потрясений. Он знал, что, если кто-то по злему умыслу причинит неприятности ему — «маленькому человеку», то на стороне рабочего-монархиста выступит вся корпорация, от коллег по цеху до генералов, купцов и архиепископов, не говоря уже о монархе — символическом главе корпорации.

Это соображение позволяет осмыслить и такой элемент деятельности рабочих монархических союзов, как отправка телеграмм, расходы на которые составляли немалую часть бюджета организаций. Содержание значительной части этих телеграмм — не информация о происходящем и не просьбы о помощи, а поздравления по случаю юбилеев, тезоименитств, праздников и т. п. Процедуру коммуникации монархистов, в которой участвовали и рабочие-монархисты, можно сравнить с перепиской членов большой семьи. Цель её состояла в поддержании идентичности корпорации, своего рода семьи, в которой государю отводилась роль отца, а подданным роль детей. Значение имело не столько содержание, сколько факт послания⁵. Участие в

⁵ По одним поздравительным телеграммам можно было бы восстановить сведения о наличии монархических отделов, т. е. тех подданных, которые продолжали напоминать о своей лояльности государю. Для этого достаточно учитывать факт присылки телеграмм, регулярность их отправки и имена адресантов. Этим приемом, наряду с другими, в 1920-е гг. пользовались чекисты, выявляя бывших членов монархических организаций.

составлении письма домочадцев ограничивается тем, что они подписывают свои имена. Представляется, что рядовые рабочие — члены монархических союзов воспринимали себя именно как «детей» или «младших братьев» державной семьи. Рабочие-монархисты также принимали участие в составлении писем к единомышленникам, обращений к «неразумным братьям» — забастовщикам и бунтующим крестьянам. Осознание себя частью корпорации позволяло рабочим-монархистам вступать в споры с хозяевами предприятия, даже с губернатором. Поскольку рабочие-монархисты, как они считали, были верными членами корпорации, постольку их противник, кем бы он ни был, являлся «отщепенцем», препятствием между подданными и государем. Если администратор или хозяин предприятия, чиновник разделял эти ценности, ничто не мешало ему войти в состав рабочей монархической организации или даже возглавить ее.

Представление об иерархическом порядке взаимоотношений сыграло злую шутку с рабочими-монархистами в марте 1917 г.: о событиях в столице им сообщали «государевы слуги», приказывая подчиниться новой власти. Рабочий-большевик вспоминал: «Во многих случаях информация о революции получалась рабочими из рук “начальства”, заводской администрации» [2, с. 163]. В Златоусте оповестил население и рабочих и “признал” революцию» жандармский ротмистр [там же]. Поколебался к этому времени и «личный» авторитет монарха. Массовость мартовской демонстрации 1917 г. в Уфе один из ее участников-рабочих объяснял тем, что «доверия рабочих к царю больше не стало после того, как разоблачили царицу в жизни с Распутиным» [7].

Важным фактором политической мобилизации рабочих была религиозность, присущая консервативно настроенному горнозаводскому населению. В начале XX в. ее использовали лидеры правого движения, придав политический смысл религиозным ритуалам рабочих. Рабочая молодежь, вовлеченная в революционное движение, не умела учитывать эту религиозность, атеистическими выходками восстанавливая против себя верующих рабочих [22]. Это, впрочем, не исключало возможности инструментализации религиозности в рамках социалистической идеологии. Так, символической вехой Февраля в Кузинском заводе стало поминовение «по убиенным рабочим — рабам божьим». Местный священник совершил его 13 марта 1917 г., — в день расстрела златоустовских рабочих в 1903 г. Не менее характерно, что в то же время священник продолжал молиться «о здравии государя-императора и всего царствующего дома». В молебнах принимали участие и эсеры [2, с. 163].

Зачастую изменялись не столько политические настроения рабочих, сколько тех, кто определял их. Переламывать ситуацию удавалось, перемещая к месту действия партийных работников из других

регионов [там же]. Сторонники левых партий, организуя «общественное мнение» рабочих, в марте-апреле 1917 г. добивались изгнания с предприятий монархистов [5]. По приговорам цехов изгонялись не только инженеры и директора, но и рабочие-монархисты [см.: 15]. По воспоминаниям рабочего Уфимских мастерских, «в это время черносотня как-то сразу пропала, ровно сквозь землю провалилась... [черносотенца] Попова деревообделочники убили, но когда, не помню. Администрация быстро изменила свое отношение к рабочим» [12]⁶. Воздействие механизма конформизма ужесточалось. Тот, кто не присоединился к мнению большинства, рисковал местом на заводе, свободой и жизнью.

В 1917 г., сохраняя неприязнь к местным властям, рабочие-монархисты в то же время лишились высшей инстанции, государя, к которому до того могли апеллировать. Авторитет монарха не мог быть заменен авторитетом кого-либо из депутатов Думы, генералов или великих князей, каждый из которых, как отмечала 26 марта 1917 г. петроградская монархическая газета «Гроза», в решающий момент предал своего государя. Уральские рабочие-монархисты больше не видели власть, которую считали бы достойной. Историки отмечают разочарование горнозаводского населения каждым из режимов, сменявшихся за время гражданской войны. Каждую новую власть рабочие встречали с надеждой на восстановление порядка, но вскоре разочаровывались и в ней [20]. Летом 1919 г. некоторые уральские рабочие, по воспоминаниям современника, «стали честить “победивших” [большевиков]: “Коли управлять не умеете, отдайте нам Царя”» [цит. по: 3].

Условия, под влиянием которых рабочих «становился» монархистом, за два десятилетия изменились. До 1917 г. не принятые в социал-демократический стан рабочие оказывались «несознательными», в худшем случае «реакционерами». При этом, однако, поскольку власть оказывала поддержку последним, они имели возможность принять идентификацию рабочих-монархистов. После 1917 г. выбор сузился. Монархисты, не пожелавшие изменить политическую идентичность, потеряв поддержку власти, были вытеснены с предприятий либо уничтожены. С этого времени общение и полемика с властью велись на её языке, который уже не был монархическим.

⁶ Токарь деревообделочного цеха Г.В. Попов, член Патриотического общества мастеровых и рабочих Уфимских железнодорожных мастерских был застрелен членами боевой дружины Уфимского комитета РСДРП в 1907 г. Примечательно, что вспоминая о нем в 1932 г. рабочий поместил имя Попова в контекст массового избавления рабочих-социалистов от своих противников на предприятии.

Лояльность рабочих должна была подтверждаться участием в мероприятиях, организованных властями. «Политизированными» оказывались в равной мере все рабочие завода, но различия между ними в политических взглядах исчезали. С.В. Ярову, исследовавшему политические настроения «послеоктябрьских» рабочих, приходится признать, что политизированный рабочий «в российском обществе конца 1917 – начала 1920-х гг. — явление довольно редкое» [31]. Репрессивная политика власти и ухудшение условий повседневной жизни не оставили места для проявления политических взглядов. Не случайны требования, которые повторяли рабочие Урала в начале 1920-х гг., — «отменить ЧК», «вернуть свободу слова и печати от анархистов до монархистов» [цит. по: 27].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Брусяни В.В.* Черная сотня на фабриках и заводах Петербурга в годы реакции: материалы по истории рабочего движения // Красная летопись. 1929. № 1 (28). С. 154-181; № 2 (29). С. 151-172.
2. *Ботев П.Ф.* Эпизоды из гражданской войны на Южном Урале. Кусинский завод Златоустовского уезда бывшей Уфимской губернии // Гражданская война в Башкирии. Уфа: Башгосиздат, 1932.
3. *Булдаков В.П.* «Другая» революция: пути и возможности переосмысления Октября // Академик П.В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М.: Наука, 2000. С. 248.
4. *Бурдые П.* Общественное мнение не существует // Бурдые П. Социология политики: Пер. с фр. Г.А. Чередниченко / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. С. 173.
5. *Волобуев П.В.* Пролетариат и буржуазия в 1917 г. М.: Наука, 1964. С. 140.
6. Воспоминания о революции 1905 г. // Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГАОО РБ). Ф. 9776. Оп. 2. Д. 813. Л. 4, 6.
7. Воспоминания рабочих о революции 1917 г. // ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 137. Л. 21.
8. Воспоминания Шатровой-Аникеевой // Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 596. Оп. 1. Д. 340. Л. 209.
9. *Голосов Г.В.* Сравнительная политология: Учебник. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2001. С. 14.
10. *Горовой Ф.С.* Очерки революции 1905-1907 гг. на Урале. Молотов: Молотовгиз, 1955. С. 79.
11. Государственная измена. СПб.: РНСМА, 1906. С. 75.
12. Завод в февральскую революцию. Воспоминания // ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 137. Л. 35.
13. Записка, составленная в кружке Римского-Корсакова и переданная Николаю II князем Голицыным в ноябре 1916 г. // Архив русской революции. Т. V. Берлин: И.В. Гессен, 1922. С. 340.
14. История Путиловского завода (1801–1917). 3-е изд. М.: Изд-во соц.-экон. литературы, 1961. С. 568.

15. История рабочих Ленинграда. Т. 1 (1703-1917). Л.: Наука, 1972. С. 289.
16. *Кириянов Ю.И.* Правые партии в России 1911 - 1917 гг. М.: РОССПЭН, 2001.
17. *Левецкий В.* Правые партии // Общественное движение в России в начале XX века. Т. 3. Вып. 5. СПб., 1914. С. 141, 354.
18. *Ленин В.И.* Опыт классификации русских политических партий // Полн. собр. соч. Т. 14. С. 21-27.
19. *Михайлов Н.В.* В.С. Войтинский и петербургские рабочие в годы Первой российской революции // Интеллигенция и российское общество в начале XX в. СПб.: Санкт-Петербургский филиал Института российской истории РАН, 1996. С. 75-76.
20. *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917 – 1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001.
21. Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки. Ч. 1. СПб.: Санкт-Петербургский филиал Института российской истории РАН, 1992.
22. *Осокин С.П.* 1905 год в Челябинске. Челябинск: Челябингиз, 1936. С. 19-20.
23. *Пушкарёва И.М.* Рабочее движение в России в период реакции. 1907 – 1910 гг. М.: Наука, 1989. С. 28.
24. *Спирин Л.М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М.: Мысль, 1977.
25. *Степанов С.А.* Рабочие и черносотенные организации. 1905 – 1917 // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917. СПб.: БЛИЦ, 1997. С. 367-378.
26. *Степанов С.А.* Черная сотня в России 1905 – 1914 гг. М.: Росвузнаука, 1992.
27. *Суслов А.Б.* Межпартийная и внутрипартийная борьба на Урале в 1921 – 1929 гг. // Страницы истории Урала. Пермь: Изд-во ПИПКРО, 1993. С. 26-27.
28. *Тимофеев П.* Рабочие и политика // Русское богатство. 1906. № 8. С. 169.
29. *Филд Д.* Социальные представления в дореволюционной России // Реформы или революция? Материалы международного colloquiuma. СПб.: Наука, 1992.
30. Циркуляр Союза русского народа от 30 сентября 1906 г. // Правые партии. 1905 – 1917. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 1. 1905 – 1910 гг. М.: РОССПЭН, 1998. С. 199-200.
31. *Яров С.В.* Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917 – 1923 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 6.